

Элементы социал-дарвинизма российской действительности

Elements of social Darwinism of Russian reality

Матюхин А.В.

Д-р полит. наук, доцент, заведующий кафедрой философии и истории Московского финансово-промышленного университета «Синергия»

e-mail: avmpl@mail.ru

Matiukhin A.V.

Doctor of Political Sciences, Associate Professor, Head of the department of philosophy and history, Moscow financial and industrial university "Sinergiya"

e-mail: avmpl@mail.ru

Аннотация

В статье анализируются результаты реализации социал-дарвинистской модели в социально-экономической практике постсоветской России. В 1990-х годах наиболее ярко проявилась установка новой либеральной элиты на биологизацию общественной жизни, на понимание функций конкурентной рыночной среды как особого социального фильтра, разделяющего российское общество на физически выживших и не выживших индивидов. В общественное сознание внедрялись идеи о «прогрессивности» и «цивилизованности» межчеловеческой конкуренции, о праве сильных быть победителями и хозяевами жизни, а неадаптированность к либерально-рыночным реалиям объявлялась главным признаком слабых «особей», по законам социальной эволюции теряющих право на существование. Социал-дарвинизм отечественных либералов был сознательно направлен на разобщение и фрагментацию российского общества. И хотя в 2000-е годы жестокая социал-дарвинистская модель была значительно снивелирована политикой, направленной на поиск общественной гармонии и социального замирения, ее элементы сохраняют свое значение в общественной жизни. Автор приходит к выводу, что окончательное преодоление элементов социал-дарвинизма в современной России может быть связано с радикальным разрывом идеологического и социально-экономического наследия 1990-х годов.

Ключевые слова: социал-дарвинизм, эволюция, прогресс, постсоветская Россия, либеральная элита, радикальные реформы, биологизация, рыночная среда, конкуренция, индивидуализм, культура, криминалитет.

Abstract

The article analyzes the results of the implementation of the social Darwinist model in the socio-economic practice of post-Soviet Russia. In the 1990s, the most clearly manifested the installation of a new liberal elite on the biologization of social life, on the understanding of the functions of a competitive market environment as a special social filter that divides Russian society into physically surviving and non-surviving individuals. The ideas of "progressiveness" and "civilization" of interpersonal competition, the right of the strong to be winners and masters of life were introduced into the public consciousness, and not adaptability to the liberal market realities was declared the main feature of the weak "individuals", according to the laws of social evolution losing their right to exist. Social Darwinism of domestic liberals was consciously directed to the fragmentation and fragmentation of Russian society. Although 2000 years of

brutal social-Darwinist model has been significantly leveled policies in search of social harmony and social pacification, its elements retain their importance in public life. The author comes to the conclusion that the final overcoming of the elements of social Darwinism in modern Russia can be connected with the radical break of the ideological and socio-economic heritage of the 1990s.

Keywords: social Darwinism, evolution, progress, post-Soviet Russia, liberal elite, radical reforms, biologization, market environment, competition, individualism, culture, criminality.

Появление «социал-дарвинизма» как доктрины связывается в общественно-политической и экономической мысли Нового времени с биологизаторскими концепциями Т. Мальтуса, Г. Спенсера, У. Самнера, Л. Гумпловича и др. Социал-дарвинизм предполагал аналогию процессов в природном мире и человеческом обществе, действие единых дарвиновских закономерностей естественного отбора и борьбы за существование, логичность исхода этой борьбы победой и выживанием сильных особей, и поражением и гибелью слабых. «Социал-дарвинизм» явился одной из модификаций западноевропейских эволюционных концепций Нового Времени, где ключевым является понятие «прогресс» – наступательное и непрерывное развитие всех обществ от менее совершенных форм к более совершенным.

На уровне академического дискурса социал-дарвинизм всегда вызывал определенный интерес и даже бурную полемику, на этом теоретическом поле было немало «сломяно копий» представителями разных идеологических направлений. Традиционно непримиримыми противниками доктрины социал-дарвинизма являлись представители иных модификаций теории прогресса – социал-демократы, коммунисты и анархисты. Так, социал-демократы и коммунисты главным фактором исторического прогресса рассматривали не внутривидовую межчеловеческую конкуренцию, а заостренный социальный контекст – «борьбу классов», анархисты же соотносили понятие «прогресс» с параллельными процессами развития эгоистического и социального инстинктов в человеке. Если эгоистический инстинкт способствует совершенствованию индивидуального начала, возможностей и творческого потенциала личности, то социальный инстинкт служит основой представлений о зависимости каждого индивидуума от целого, от социума. По мнению анархистов, это приведет к постепенному освобождению человека от зоологических начал, к росту гуманизма, к нравственной и интеллектуальной социализации, к усовершенствованию общества на основе взаимных интересов, взаимопомощи и солидарности.

В западной исторической практике элементы социал-дарвинизма проявились в процессе становления буржуазного общества периода «первоначального накопления» и формирования либеральных политических и экономических институтов. Но в XX в. под влиянием опыта построения социализма в СССР социал-дарвинизм на Западе был значительно ослаблен, смягчен, а идеологическим обоснованием этого смягчения стала концепция «социального государства».

В постсоветской России социал-дарвинизм оказался не в центре научных или идеологических споров, а имел жесткое воплощение в социально-экономической практике. С 1992 г. под знаменем «прогрессивного» либерализма стали активно проводиться радикальные политические и экономические преобразования ельцинской командой «молодых реформаторов» (Е. Гайдар, А. Чубайс, А. Нечаев, Б. Немцов, А. Кох и др.). В части публичной, программной составляющей идеологических постулатов новой либеральной элиты декларировалось следующее: построение в России цивилизованной рыночной экономики западного образца; приверженность «общечеловеческому» прогрессивному развитию в направлении формирования гражданского общества, осуществления либеральных свобод (слова, печати, собраний и т.д.) и функционирования «правового государства»; строгое разделение властей, баланс между административной

вертикалью и системой местного и регионального самоуправления на общенациональном уровне, наличие парламентской системы европейского типа [4, с. 152] и т.д.

Но в реальной практике постсоветской России восторжествовала установка либеральной элиты на биологизацию общественной жизни, на понимание функций конкурентной рыночной среды как особого социального фильтра, разделяющего российское общество на физически выживших и не выживших индивидов. Радикально сместив акценты от советского коллективизма к «цивилизованному» (т.е. западному) индивидуализму, российские либералы легализовали «биологическую базу» проводимых реформ, чем способствовали становлению жестокой социал-дарвинистской модели общественной жизни в России. «Уже во время перестройки в СССР, – пишет современный российский политолог С.Г. Кара-Мурза, – стала настойчиво внедряться "биологизированная" модель человека. Видимо, по мнению новых идеологов, она не только позволяла обосновать социальную катастрофу, но и предлагать чудовищные по своему смыслу проекты социальной инженерии» [3, с. 102]. По сути, внедрение столь радикального индивидуализма было ломкой не только коллективизма коммунистической идеологии, но и такой важнейшей константы русского социокультурного поля, как *солидарность*, которую еще в XIX в. русский мыслитель В.Ф. Одоевский трактовал как идею взаимосвязанности между людьми, идею ответственности каждого перед всеми [2, с. 129].

Действительно, весь период российских реформ 1990-х годов в общественное сознание активно внедрялись идеи о «прогрессивности», «цивилизованности» межличностной конкуренции, о праве сильных (конкурентоспособных особей) быть победителями и хозяевами жизни. И, наоборот, неадаптированность к либерально-рыночным реалиям («цивилизованной жизни») объявлялась главным признаком слабых (неконкурентоспособных особей), по законам социальной эволюции фактически теряющих право на существование. Последствия подобного подхода к концу 1990-х годов приобрели катастрофический характер, когда большая часть (около двух третей) «не приспособившегося» населения оказалась на грани физического выживания, когда резко снизилась рождаемость и продолжительность жизни, а смертность возросла, что позволило многим аналитикам публично заявлять о сознательном геноциде российского народа.

Здесь необходимо подчеркнуть, что целенаправленное «биологизаторство» человеческой природы изначально противостоит культурно-ценностным установкам социальной жизни. В первом случае имеет место актуализация сферы животных инстинктов человеческого подсознания, а во втором – осознанная и «окультуренная» система «табу». В постсоветской либеральной России можно было наблюдать именно акцентацию биологической составляющей человеческой личности, пропаганду через СМИ абсолютной свободы проявлений биологической, животной природы, популяризацию и «оцивилизовывание» самых низменных инстинктов. Эта популяризация, ориентированная, прежде всего, на подрастающее поколение – «граждан новой России» пропагандистски изоцицично подавалась в русле необходимого либерального реформирования «отсталого», обремененного «архаическими» моральными комплексами российского общества, которое необходимо «раскрепостить», освободить от «тоталитаризма» традиционных нравственных норм, от «шелухи» моральных запретов.

Но в этом случае мы имеем дело с движением общества в обратном направлении от культуры. Действительно, можно ли говорить о «прогессе» и «цивилизованности» по отношению к явлениям, прямо противоположным тенденциям культурного развития, и скорее адекватных понятию «культурная деградация»? Плоды подобных радикальных, социал-дарвинистских ударов по системе традиционных нравственных норм ярко проявились в моральном разложении социальной, особенно молодежной, среды, в культивировании сексуальной свободы и популяризации нетрадиционных гомосексуальных отношений, росте венерических заболеваний и аборт,

распространении наркомании, проституции, порнографии, возрастании жестокости, насилия и преступности.

В полном соответствии с закономерностью социал-дарвинизма торжества «голой силы» адаптированных особей над слабыми шло становление своеобразной модели «бандитского капитализма». В 1990-х годах криминалитет и околоскриминальный бизнес стал надежной опорой либеральных реформ в России, результатами чего явились: преступная, воровская приватизация государственных предприятий, важнейших структурно-экономических коммуникаций и российских недр; кооптация в органы власти (особенно на региональном уровне) представителей уголовного мира; невиданная до сих пор в российской истории «либеральная» свобода возможностей для криминалитета «решать проблемы» – либо подкупом чиновников и судов, либо силовым воздействием. В стране образовалась монолитная «коррупционная спаянность» уголовников, бюрократии и крупного бизнеса, а в середине 1990-х годов возник и особый пласт социал-дарвинистской «элиты» – криминально-олигархическое сообщество («семья»), которое теснейшим образом переплелось с государственной властью.

Благодаря информационному воздействию либеральных СМИ и «свободных художников» – творцов современной российской «культуры» – происходила романтизация преступного мира, а образцами для подражания молодежи стали уголовные авторитеты и вороватая «бизнес-элита» – «Новые русские». Получила всеобщее распространение криминальная лексика – «братки», «разборка», «стрелка», «наезд», «чисто конкретно» и т.д. Результаты подобных либеральных реформ многими аналитиками стали классифицироваться в таких терминах, как «криминальная революция», «мафиозно-олигархическое государство», «уголовная элита», «беспредел» и т.п. «Возникло уголовно-мафиозное государство, – отмечал в середине 1990-х гг. крупный русский философ Александр Зиновьев, – совершенно не способное ни на какие созидательные свершения, но способное на беспрецедентное разрушение и разграбление того, что было создано ценой труда и жертв сотен миллионов людей в ряде поколений... В стране фактически исчезла всякая законность, расцвела преступность... Рухнула вся прежняя система духовных и моральных ценностей... Сложилось состояние, которое раньше называли смутой, а теперь стали называть беспределом» [1, с. 258].

Социал-дарвинизм отечественных либералов был сознательно направлен на разобщение и фрагментацию российского общества, на нивелирование и осмеяние такого важнейшего культурно-интеграционного понятия, как «патриотизм». Все 1990-е годы российский патриотизм подводился под такие категории, как «последнее прибежище негодяев», «красно-коричневая чума», в информационном поле часто использовалась тема «наступления русского фашизма» и т.д. Обращаясь к гипотезе современного российского политолога, С.Н. Федорченко об эволюции политических технологий от древнейшей мифологической картины мира, можно отметить, что произошла «ценностная перезагрузка» страны – прежняя система российских ценностей была подвергнута целенаправленной десакрализации, из ее виднейших представителей сделали «образ врага», а новыми медийными «героями» стали носители западных индивидуалистических ценностей [7].

Одновременно шло позиционирование и активное пропагандирование западных культурно-политических ценностей как «безусловных» и «общечеловеческих». Последствия такого идеологического воздействия на духовное состояние российского общества оказались крайне деструктивными. Все это привело к росту нигилистического отношения к собственной стране, к российской культуре, к разрыву связи поколений. В результате к концу 1990-х годов, как справедливо отмечает современный политолог О.З. Муштук, «главным вопросом был не вопрос, куда движется Россия, а вопрос о том, сохраниться ли Россия как единое государство» [6, с. 87].

В 2000-е годы жестокая социал-дарвинистская модель была значительно нивелирована внутренней политикой нового Президента РФ В.В. Путина, направленная

на поиск общественной гармонии и социального замирения. Это проявилось как на символическом уровне (новый российский гимн был положен на музыку Гимна СССР, Красный флаг стал флагом Вооруженных сил России и др.), так и на уровне позитивных практических шагов – укрепление «вертикали власти», усиление контроля над базовыми отраслями российской промышленности, возрождение дееспособной армии и сферы ВПК, пересмотр ряда одиозных итогов приватизации («Дело ЮКОСА» и др.), позиционирование национальных проектов («Здоровье», «Образование», «Доступное и комфортное жилье», «Развитие АПК»). Активно также реализовывались программы патриотического воспитания, направленные на реанимацию «связи времен» единой российской истории [5, с. 6]. Новым явлением в жизни страны стали ежегодные встречи Президента с прессой и его публичные ответы на вопросы населения страны.

С 2014 г., после государственного переворота на Украине, присоединения Крыма и обострения отношений России с Западом, начался новый этап социального сплочения российского общества в доверии к власти, что наиболее ярко проявилось по итогам президентских выборов 18 марта 2018 г.

Однако элементы социал-дарвинизма не были полностью преодолены в России XXI в. Связано это с двумя факторами жизни страны – с сохранением олигархической структуры российской экономики, с несправедливым перераспределением национальных богатств в пользу немногочисленных людей, «семей», кланов, а также с идеологическими установками финансово-экономического блока Правительства РФ, во многом преемственными по отношению к либерально-вестернезированной версии реформ 1990-х годов.

В качестве примеров здесь можно привести «монетизацию льгот» (2005 г.), вызвавшую серьезное социальное напряжение в обществе, а также внесение Правительством РФ в Государственную думу законопроекта об изменениях в пенсионной системе (июнь 2018 г.), согласно которому пенсионный возраст предлагается закрепить на уровне 65 лет для мужчин и 63 года для женщин. В обоих случаях характерен именно социал-дарвинистский взгляд на людей старшего, экономически уже не активного возраста, которые рассматриваются как социальный «балласт», не позволяющий гармонизировать бухгалтерские расчеты расходной части государственного бюджета.

В этой связи представляется, что окончательное преодоление элементов социал-дарвинизма в современной в России может быть связано с радикальным разрывом идеологического и социально-экономического наследия 1990-х годов.

Литература

1. *Зиновьев А.А.* Посткоммунистическая Россия: Публицистика 1991–1995 гг. [Текст] / А.А. Зиновьев. - М.: Республика, 1996. – 368 с.
2. *Ишутин А.А.* Холизм и солидарность в философских взглядах В.Ф. Одоевского. [Текст] / А.А. Ишутин. // Вестник Московского государственного областного университета. Серия: Философские науки. – 2018. – № 2. – С. 124–133.
3. *Кара-Мурза С.Г.* Истмат и проблема Восток – Запад. [Текст] / С.Г. Кара-Мурза. - М.: Алгоритм, 2001. – 256 с.
4. *Матюхин А.В.* Современный российский либерализм: конец проекта? [Текст] / А.В. Матюхин. // Журнал политических исследований. – 2017. – Том 1. – № 3. – С. 149–162.
5. *Матюхин А.В.* Социально-политические изменения в постсоветской России: особенности радикального реформирования. [Текст] / А.В. Матюхин. // Вестник Московского государственного областного университета (электронный журнал). – 2015. – № 4. – С. 113–119. URL: <http://vestnik-mgou.ru/ru>.
6. *Муштук О.З.* Исторические и антропологические корни-детерминанты отечественной политической культуры // Концептуал: сборник научных трудов кафедры Философии и

истории / сост. А.В. Матюхин. [Текст] / О.З. Муштук. - М.: Московский финансово-промышленный университет «Синергия». – 2015. – С. 80–91.

7. Федорченко С.Н. Political Hologram: от научных исследований к 3D технологиям борьбы за электорат [Текст] /С.Н. Федорченко. //Журнал политических исследований. – 2018. – Т. 2. – №. 2. – С. 78–116. URL: <https://naukaru.editorum.ru/ru/nauka/article/22187/view> (дата обращения: 27.08.2018).